

★ НОВОСТИ

★ Павел Митюшев

★ ВОЙНОВИЧ В МОСКВЕ

★ КОРОТКИЕ РЕПОРТАЖИ

★ Защитит ли творческих работников новый закон о занятости населения?

ХРОНИКА НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО

В ответ на наш запрос в Верховный Совет РСФСР нам сообщили, что в соответствии с Законом РСФСР "О порядке применения на территории РСФСР в 1991 году Закона СССР "О налогах с предприятий, объединений и организаций" (статья 9, пункт 5/ подпункт "б" пункта 5 статьи 6 Закона СССР излагается в следующей редакции:

"частные и общественные благотворительные фонды, зарегистрированные в установленном порядке, их предприятия освобождаются от уплаты и налога по прибыли, направляемой в эти фонды на осуществление их уставной деятельности".

14 марта в Министерстве Юстиции зарегистрирован Союз Литераторов, объединивший Общество профессиональных литераторов "Москва", ЭТО "комитет литераторов" и ленинградский комитет литераторов. Создан координационный совет из представителей этих трех организаций, трое его сопредседателей будут управлять Союзом по очереди, по полгода. Установлены жесткие правила приема в Союз.

Выходит в свет альманах "Латинский квартал" — это 2-ая книга редакционно-издательского агентства "День" — подразделения Гуманитарного Фонда. В альманахе включены стихи студентов и выпускников Литинститута, среди которых: В. Степанов, Д. Новиков, А. Туркин, Ю. Гуголев, М. Аузиньш и многие другие. Тираж 20 тысяч. Составитель Виктор Кулл.

Музей Вадима Сидура (Новогиревская, 37) приглашает на постоянную экспозицию работ скульптора. Здесь выставлены вещи, долгое время находившиеся в его подвальной мастерской.

В середине марта в ДК МЭИ прошла выставка студии "Русский авангард", где были представлены работы семи художников-любителей: Н. Ротанова, Л. Сопальникова, М. Панферова, М. Маншилиной и др.

ВОЙНОВИЧ В МОСКВЕ

"Ходят слухи, что Войнович получил квартиру в Москве. Его надо разыскать и... проинтервьюировать" — сказали мне в редакции "ГФ".

У компетентных лиц, официально причастных к литературе, я попытался узнать имя-отчество, год и место рождения писателя, чтобы разыскать его через справочное бюро. Однако, никто вышеозначенных сведений о нем не имел.

И только после выхода на него по принципу "язык до Киева доведет", я узнал, что разыскать писателя можно было "не отходя от кассы" — в редакции "ГФ".

И все же, наиболее полные биографические сведения о Войновиче я почерпнул из "Справочник об авторах" в прозаическом сборнике "Утопия и антиутопия XX века", случайно попавшем мне в руки:

Владимир Николаевич Войнович. Родился в 1932 году в семье журналиста и учительницы. С 11-ти лет был занят рабоче-крестьянским трудом. Служил в армии, начал писать стихи. Пространство и время первых публикаций — журнал "Новый мир" 1961 — 1967 гг. (две повести и рассказ). В начале 70-х годов публикует за рубежом роман "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" и выступает в защиту А. Солженицына, что по совокупности приводит к исключению из членов СП в 1974 году и вынужденной эмиграции в 1980 году.

И вот, январь 1991 года. В.Н. Войнович насовсем в Москве. — К каким выводам Вы приходите в результате сравнения двух периодов своей жизни: доэмигранционной и послеэмигранционной?

— Трудно сказать... До эмиграции я был на 10 лет моложе, поэтому эти два периода — несравнимые величины. Мне гораздо легче судить о моем личном литературно-творческом положении на родине в настоящий момент. Я издаюсь. Много издаюсь. Больше желать нечего.

Что касается сравнения прошлого с настоящим, могу сказать только одно: хуже тех времен нету. Тогда мне было противно даже на улице выходить.

Теперь мне свобода на родине дороже всего. Несмотря на неблагоприятное состояние страны, я эту свободу не променяю ни на какие заграничные блага и преимущества.

Наличие заграничного паспорта дает мне возможность беспрепятственно выезжать за рубеж и возвращаться в любое время. Это еще больше укрепляет мое чувство свободы из родины.

— Чувство свободы у писателя неотделимо от чувства творческой свободы. Что Вы можете сказать, в связи с этим, по поводу таких вот строчек из статьи А. Латыниной "Что впереди?" (ЛГ, 23.01.91): "...Боюсь, что никто не поймет, что ценного в другой прозе..., кроме того, что она декларирована как другая...?"

ПРОИСШЕСТВИЕ

С прискорбием сообщаем, что во время проведения концерта "Рок-акустика" в зрительном зале завязалась жестокая драка: сцепились два выдающихся деятеля пацифистского движения, яркие выразители надежд и чаяний отечественного хип-пизма, лидеры подпольной культуры — широко известные в узких кругах музыкант-эзотерик Еремеев и религиозный художник Солями. Усилиями неформальной общечеловечности драку, кажется, удалось остановить. Впрочем, Микельанджело и Леонардо тоже, вцеплялись друг другу в борды...

СТАРАЯ НОВОСТЬ

САША ЧЕРНЫЙ

ДО РЕАКЦИИ

Пародия

*Дух свободы. К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утонуться.*

*Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь спокоен —
Старый гнет вернется...*

/1905 или 1906 г./

Как всегда, насыщена жизнь "Каширки": с 27 по 31 марта выставка четырех немецких художников из г. Касселя и молодой польской художницы Анны Эсден-Темпска; с 4 по 21 апреля две экспозиции: "Монохром. Черное и белое" автор экспозиции Сергей Кусков/ и "Для служебного пользования" — выставка Георгия Дмитриевича Кизевальтера Первого /1839—1911/ и Георгия Дмитриевича Кизевальтера Второго /р. 1955/. С 25 апреля по 19 мая "линия горизонта" — в выставке участвуют: группа "Без четвертого" /В. Кузьмин, Б. Михайлов, Б. Смертин/, фотохудожник Лев Мелихов, а также две художницы из г. Кельна.

Прекратил свое существование ленинградский самиздатский журнал "Гастрономическая суббота". Неиспользованные материалы были переданы редактором журнала Берковичем в Пензенский самиздатский журнал "Симбиоз".

Произошли серьезные изменения в составе редколлегии "Юности". Из отдела поэзии ушел Натан Злотников.

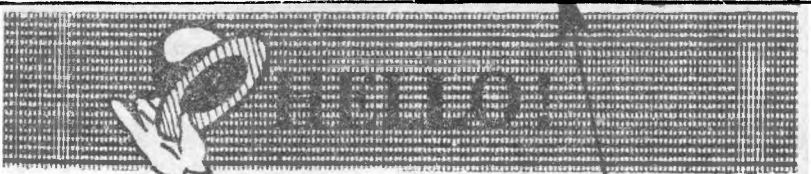
21 апреля в 15.00, в театре "Шолом" пройдет вечер еврейских русскоязычных поэтов. Примут участие — А. Воловик, Е. Лямпорт, М. Галин, Э. Богатых и др.

Наконец-то мы узнали /почта плохо работает/ о давно прошедшем в Херсоне "авангард-шоу", центральным событием которого стала научная конференция "Поэтика русского и украинского авангарда: история, поэтика, традиции /1910—1990/", в работе которой приняли участие десятки исследователей из разных стран. По ее материалам было подготовлено два спецвыпуска "Авангардисты в Херсоне".

В Петербурге /комплекс Гавань/ в марте прошла выставка "Реалии русского рока". Достаточно условно можно было выделить четыре раздела: история русского рока, герои рока, рок-революция на экспорт /контакты и контракты/ и культурная сфера рока /художники, писатели, режиссеры/. Всего было много, но очевидцы утверждают, что экспозиция более подошла бы названию "Реалии Питерского рока".

наши на митинге

Сегодня многие так или иначе обеспокоены судьбой клуба "Поэзия" и отсутствием сколько-нибудь вразумительной информации о его деятельности. В связи с этим сообщаем, что клуб функционирует по заранее обдуманной и принятой к сведению программе и всякие опасения, касающиеся как его экзистенциально-правовой основы, так и креативно-массовой работы можно считать обоснованными. В частности, после традиционной серии успешных открытий сезона 90-91 годов, после ряда фракционно-флуктуационных поэтических выборов и кулуарных мистификаций, а также после массового выхода на митинг 20 января, клуб приступил к осуществлению новой широкомасштабной акции под названием "Коллективные бездействия", продолжавшейся с 21 января по 5 марта включительно. В ходе акции обнаружилось, что примерно каждый пятый из постоянных авторов клу-

Режиссер Борис Юхананов вместе со своими соратниками и учениками по мастерской индивидуальной режиссуры Свободной академии открылся на улице Чкалова, д. 48 а Галерею-Оранжерею "С А Д". Как явствует уже из названия, идея галереи тесно связана с работой над пьесой А.П.Чехова "Вишневый сад", которую ведет Б. Юхананов в мастерской. "Культурная программа" галереи, включающая открытые репетиции, лекции, просмотр видеофильмов, будет продолжаться до 11 мая. Галерея открыта для посещения с 12.00 до 20.00. После 20.00 вход по пригласительным билетам.

Каждый пришедший сможет увидеть множество симпатичных артистов среди не менее симпатичных объектов и гуманитарной публики, полюбоваться на оранжерейно-изящного Юхананова, расстреливающего шампанским беременных гуманоидов /рисуночек, конечно же/. Редакция ГФ /частично/ уже там побывала, выпила шампанского и пронаблюдала акт разбивания бутылок изпод ононого. Одно обломало — уж очень интеллигентно их били — в целлофановых пакетиках, стерилизованным кирпичом. Не было в этой деструкции свободного полета...

Постепенная политизация клуба "Поэзия" привела к тому, что 28 марта усеченный вариант клуба вышел на запрещенный Президентом митинг на Манежной. Примечательно, что место сбора-редакция "Юности".

Альфред Шнитке закончил работу над оперой "Жизнь с идиотом" по одноименному рассказу Виктора Ерофеева. Насколько мы можем судить, это именно та опера о постановке которой в Амстердаме говорил в своем недавнем интервью Мстислав Ростропович.

Импровизации на бумаге, виолончели, флейте, гитаре — так называлась открывшаяся в начале марта в городе Бохуме /ФРГ/ в галерее "Фор-раум", что находится в помещении антропософской школы Видар Шуле Ватершейд, персональная выставка живописи абстрактного экспрессиониста Владислава Макарова. На вернисаже автор /известный и как виолончелист в стиле свободной импровизации/ музицировал со своими коллегами по жанру: московской флейтисткой Натальей Пшеничковой и гитаристом из Мюнстера Эрхардом Хиртом.

В начале мая выйдет новый рок-журнал "ДРАЙВ" /несамиздатский/. В первом номере планируются: дайджест рок-самиздата, материалы о голландской группе "ЭКС" и нашеском "Крематории" и пр., много плакатов. Цена — 4 руб.

Дорогие друзья, дорогие враги газеты "Гуманитарный Фонд!" Мы знаем, что не все Вы нас любите, да и не за что нас пока особенно любить. Тем не менее, мы с удовольствием подставляем Вам и другу щеку: пишите, ругайте — может, нам на пользу пойдет. А мы все равно Вас любим и всем хотим угодить. Поэтому одни недовольны слишком "скудными" материалами, а другие — "эпатажными". Ну да ладно, всем, и правда, не угодишь. Интерес к газете, однако, в последнее время заметно возрос. Лучшие умы столицы на нее подписываются. Ходят слухи, что в городе газету продают по 1 р. 70—1 р. 80. Сообщаем, что в редакции ее можно приобрести по 50 копеек. Сообщаем также, что скоро можно будет купить подборки "Гуманитарного Фонда", начиная с № 1 за 90 год. Их цена колеблется от 5 до 10 рублей. Полных подборок уже почти не осталось, так что поторопитесь — возможно, скоро вообще ничего не останется. Кстати, кое-кто жалуется, что газета слишком дорогая и подписка на нее, стало быть, тоже. Для этих кое-кого сообщаем, информацию к размышлению: себестоимость одного экземпляра — 1 р. 50 коп.

Нина Искренко

P.S. 6 марта состоялся творческий отчет о коллективном бездействии в редакции "Юности".

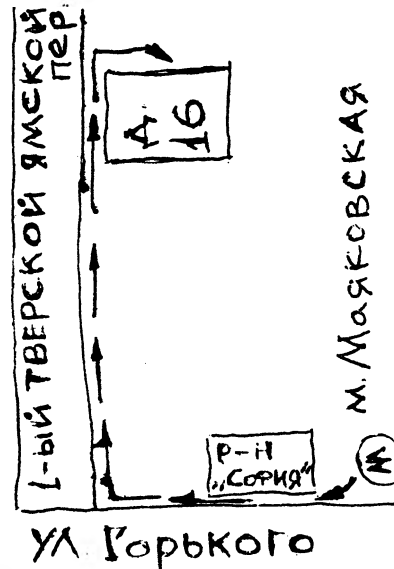
КНИГОТОРГОВЛЯ
"С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ"

Напрочь забыли мы атмосферу старинных книжных лавочек, куда всегда приходили не просто что-то купить, а, изольте заметить, и провести время в приятной беседе. Нынче книготорговцы в основном норовят с нас побольше содрать, приложив к тому минимум усилий. Нехотя шевелит клешней какая-нибудь невозмутимая дева в отделе договорных цен — лишней раз книгу показать не попросишь. А то еще скажет: "Нечего книгу трепать, она дорогая — вы ее все равно покупать не будете".

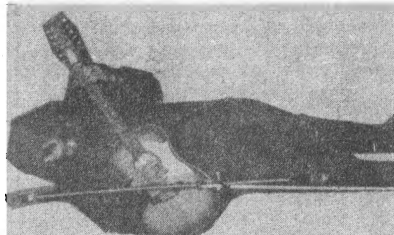
Все же и из этого правила есть исключение: есть в Москве магазинчик, непохожий на другие. Он называется "Книжник", находится в 1-м Тверском-Ямском переулке, дом 16. Там нет толпы, там разрешают подойти к стеллажам и самим выбрать книгу. Есть свободный книгообмен, платная библиотека. Да и договорные цены пониже, чем в других местах. И по номиналу торгуют. Ну где еще купишь роман Набокова за 55 копеек? А главное — уж очень атмосфера приятная. Продавцы — молодые литераторы, и среди завсегдатаев — художники, писатели. Так что иной раз, покупая книгу, здесь можно заодно получить и автограф.

Магазинчик хотя и находится в двух шагах от улицы Горького, но найти его сложно. А посему прилагаем план.

В. Боде

М. МАЯКОВСКАЯ

ТЕКСТОВИКУ ВАШЕЙ РОК-ГРУППЫ
ЕЩЕ НЕ СТУКНУЛО 35?

Тогда вы можете попытать счастья в конкурсном отборе участников концерта "Рок и поэзия", который состоится осенью 1991 года в рамках Второго международного фестиваля молодых поэтов в Москве. Для этого вам нужно рискнуть магнитофонной кассетой с записью 5-7 ваших песен, приложив к ней: — отпечатанные тексты записанных песен /а также другие тексты, если вы надеетесь на их конкурентоспособность/; — краткие сведения о группе /состав, творческое кредо, история /и об авторе/авторах/ биография, поэтические вкусы/.

Все это нужно не позднее 1 мая 1991 года выслать в Дирекцию международных молодежных поэтических фестивалей "Интерлира" по адресу: 101461, ГСП — 4, Москва, Бумажный проезд, 14, газета "Нойс Лебен", "Интерлира", на конкурс "Рок и поэзия".

Г.Ф. требуются: зав. отделом реализации и рекламы агенты по обработке заказов и рассылке корреспонденции в разных городах Советского Союза

ЗАЩИТИТ ЛИ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ НОВЫЙ ЗАКОН О ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ?

Около четверти века тому назад в одном из Ленинградских народных судов состоялся весьма примечательный и типичный для того времени диалог. Народный судья с упорством, достойным лучшего применения, пытался установить место работы подсудимого, который обвинялся в туеядстве. Подсудимый — интеллигентного вида молодой человек, предпринимал мучительные попытки объяснить, что он пишет стихи, формально не числится ни по одному ведомству, а следовательно, не может представить суду требуемую от него справку с места работы. Суд был непреклонен. В результате поэт, будущий Нобелевский лауреат Иосиф Бродский был направлен в места не столь отдаленные, а впоследствии вынужден был покинуть СССР и выехать в страну, где граждан, занимающихся творчеством, почему-то не считают лицами, ведущими паразитический образ жизни.

Приговор был вынесен на основе статьи 209 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей ответственность за ведение паразитического образа жизни. Статья действует и по сей день. Поскольку Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1960 году, закрепленная в нем принципиальная возможность привлечения к уголовной ответственности формально не работающих граждан следует рассматривать как правовой механизм реализации статьи 12 Конституции СССР 1977 года, провозгласившей труд обязанностью граждан. Не удивительно, что статья 209 Уголовного кодекса РСФСР не претерпела изменений и в последующие годы, поскольку и ныне действующая Конституция СССР 1977 года также рассматривает труд не только в качестве права, но и обязанности граждан. Подобное конституционное закрепление права на труд и его формальная интерпретация в правоприменительной практике по существу открывает широкий простор для преследования различных категорий граждан, не состоящих в трудовых правоотношениях с государственными или общественными организациями, не имеющих патент или удостоверение на право заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. В этих условиях возникает естественный вопрос о том, может ли и сегодня работник творческой профессии оказаться в ситуации, описанной в начале статьи.

Несколько обнадеживающими в этом отношении представляются Основы законодательства Союза ССР и союзных республик "О занятости населения", принятые 15 января 1991 года.

Цивилизованными и направленными на защиту статуса граждан творческих профессий выглядят содержащиеся в новом законе основные принципы государственной политики в области занятости населения. Среди них хочется выделить такие, как добровольность труда, обеспечение свободного выбора занятости, содействие творческому труду, международное сотрудничество в решении проблем занятости населения, включая профессиональную деятельность советских граждан за рубежом. Предусмотрено создание центров занятости со специальными подразделениями по трудоустройству работников творческих профессий.

Принципиальное значение для защиты творческих работников от необоснованных преследований и обвинений в туеядстве имеет статья 1 закона, раскрывающая само понятие трудовой занятости граждан. В ней, в частности, говорится, что занятость — это не противоречащая действующему законодательству деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей и, как правило, приносящая им заработок /трудовой доход/. За гражданами закрепляется исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду и осуществлять любую не запрещенную законодательством деятельность, в том числе и не связанную с выполнением оплачиваемой работы.

Вместе с тем эффективность практической реализации рассматриваемых и других правовых новелл, а следовательно и действенность социальной защиты творческих работников, вызывает серьезные сомнения, основанные на имеющихся в законе явных противоречиях, недоработках и упущениях.

Так, признавая добровольность труда в качестве принципа государственной политики в области занятости населения, ни закон, ни постановление Верховного Совета СССР о введении его в действие ничего не говорят об изменении статьи 60 Конституции СССР, рассматривающей труд как основную обязанность граждан, невыполнение которой несовместимо с принципами социалистического общежития и влечет по статье 209 Уголовного кодекса РСФСР уголовную ответственность. Реальность наступления подобных последствий для творческих работников, не имеющих юридически закреплённого статуса трудящегося, становится очевидной, если учесть, что Конституция СССР обладает высшей юридической силой, а у работников правоохранительных органов сложился определенный стереотип применения норм уголовного законодательства. Остается лишь надеяться, что эти противоречия будут учтены Правительством СССР, которому поручено внести в первом полугодии 1991 года предложения о приведении законодательных актов СССР в соответствие с принятыми Основами законодательства о занятости населения.

Вышеуказанное опасение еще более усиливает анализ пункта 2 статьи 1 закона, в которой перечисляются категории граждан, занятых трудом. К ним закон относит граждан, работающих по найму, а также предпринимателей, индивидуальных кооператоров, фермеров, называемых лицами, "самостоятельно обеспечивающими себя работой". Вероятно, решение вопроса о том, относятся ли к указанным категориям граждане и лица творческих профессий, не имеющие юридического статуса работающих, закон о занятости граждан вновь предпочел ориентироваться на тенденции правоохранительных органов, оставив на их усмотрение.

Но, может быть, творческие работники, попадающие в категорию занятых граждан, относятся к числу безработных? Читая имеющийся право на получение пособия? К сожалению, и на этот вопрос однозначного ответа в законе о занятости населения мы также не находим. В статье 2 закона говорится, что безработными признаются граждане, которые по независящим от них причинам не имеют работы и заработка /т.е. не относясь, в соответствии с пунктом 2 статьи 1, к числу занятых — Л.С./.

Таким образом, наряду с закреплением позитивных перспектив социальной защиты различных категорий лиц творческих профессий, принятые Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о занятости населения ставят и много актуальных вопросов, решение которых, остается надеяться, будет найдено в процессе создания правового механизма по применению нового закона, что предусмотрено постановлением Верховного Совета СССР "О введении его в действие".

кандидат юридических наук
Л.К. Суворов

ПАВЕЛ

Павел Митюшев — чемпион антипоэзии. В сравнении с ним Маяковский — душка, чья лиричная и задушевная антипоэзия заставляет восхищаться красотой родной природы и умиляться возвышенности чувств разнополюсных граждан друг к другу. Поэтому ни одна зареза не напишет на его стихи песню и не споет ее у костра.

А впрочем, он стихов и не пишет и даже тексты не сочиняет. Он их конструирует, как и подбавляет истинному поэту-структуралисту, с большим неодобрением относящемуся ко всевозможным вдохновениям, озарениям и озверениям — признакам надвигающегося климакса. По Митюшеву выходит, что текст, построенный по определенному плану, несоизмеримо больше, чем текст, построенный по определенному плану, поскольку один из них (какой именно — затрудняюсь сказать) с одной стороны, является местом схождения множества проекций окружающих нас реальностей, а с другой, — этот текст за счет семантической, интонационной и эстетической неоднородности как элементарных своих составляющих, так и крупных блоков, как бы прорастает в окружающее нас и наступающее на нас бытие. Может быть, даже и диффундирует.

Разбудите его среди ночи и спросите: "А какие бывают тексты?" И он сразу же ответит: "Самоорганизующиеся и несамоорганизующиеся, пораженные вирусом и не пораженные, симметричные и асимметричные, кольцевые и линейные. ..." И не только ответит, но и проиллюстрирует собственными текстами. А все потому — что он не только много думает, но и много работает. И вовлекает в этот процесс и других. Например, он был застрельщиком прошедшего в Москве два года назад Митюшоу "Тексты. Космос и хаос".

Все это свидетельствует о том, что Павел Митюшев — поэт с ярко выраженным научным мышлением и чувствованием. И это, на первый взгляд, роднит его с Брюсовым. Однако Павел Валерьевич, в отличие от Валерия Яковлевича, на большевиков никогда не работал. Правда, после окончания МГУ он некоторое время ходил то ли в физико-химическое, то ли в химико-физическое присутственное место, но ничего нервно-паралитического не создал.

А вообще-то Павел — человек простой и равнодушный, человек с выдумкой: "Сохраним без потерь урожай", "Утеплим Крымский мост горбылом", "Однажды в студеную зимнюю пору", "Я вас любил" и т.д. Также он мастак и в визуальной поэзии! И самые разнообразные перформансы придумывать горазд! ...

... Но, впрочем, не так уж он прост, поскольку является действительным членом клуба "Поэзия".

Владимир Тучков

Говорю тебе, значит не зря.
Я тебе не какой молодой.
Ну а ты что пока молодой.
Так что зря ты мне тут говоришь.

Говорим, говорим — а чего!
И чего, говорю, говорить...
Уж тогда — а сейчас-то чего!
А слова — это только ля-ля...

Вот там думают: ты говоришь —
и давай: говори-говори...
Говори, мол там, не говори...
Только я вот скажу: не скажи!

1988

2-я Подлетная Ода

Не свистел бы, Христа ты ради,
что, мол, б у к с ы - в ч е р а гасили...
Знают твердо у нас в поселке:
даже если Спаситель в силе —
Он спасает одних спасенных.
Кто же спорит, что мир громаден!

Да, гигантский наш мир огромен!
потому что — большой! он больше
Октября /правда — меньше марта/.
И, потом, — ну и черт с ней, с Польшей
раз ее просадили в карты.
Расцветай город-сад Андропов.

Он, конечно, залез для рифмы.
Хорошо что еще не Сталин,
яко мнил /имати паки —
как и прочие, впрочем — станы:
ведь приталпин берлин. Бумаги
не с орлом, но, опять же, с грифом.

И корабль на старте замер
как иглолка мировозданья —
труд рабочих, крестьян, ученых,
как изба бедняка в музее
под открытым, якобы, небом.
— внутрь заходим, вконец борзая...

Там в фонтане резвились стадом
удивительные чужестранки...
желтый дождь с поднебесья падал
и лежал на хрустальном штале.
Сквозь у ш к о п...
— а затем уж веселый заблюда.

И тогда он все встал в столицу
как заточка в парную печь
броненосца на рейде. То есть
он сломался — в первый же вечер.
Снес в починку, слегка осоясь
— и в глазах расцвели петлицы.

А раз так, то и нехер к р а б а
мне совать. Поищи-кось мутных.
У меня под ногтями плесень
и слиты пищевод под утро.
Что по-сути — такая же песня,
как сказал бы старик Арабов.

1984-85

Ну кто я, кто? ответьте ктонибудь!
ну, кто я?! — Ты? — говню. — Я не об этом...
Ведь есть же, есть... или, скажу точнее,
должна же быть у человека сущность —
вневременная, вечностная, с тайным
предназначением — в с е м и р н а н
в которой расцветает, терпясь,
... ты понимаешь? — Думаю, что да.
— ... и в этой вот связи происходит время
и человек, сей пасынок Вселенной,
гнеимый одиночеством Пространства,
однажды лик свой обращает к Звездам
и вопрошает: кто я?! — Ты — говню.

1988

Звонок, открыл, ответил и вернулся.
Куда-то вышел, погрелся, захит.
Вернулся, вспомнил, подошел, проверил.
Стал убирать — звонок. Пошел открыл.
На этот раз... — но нет, опять вернулся.
Смотрел, смотрел... потом — узнал.
Поднялся, подошел... но передумал.
И только-только стал — и тут опять.
А больше — ничего... с тех пор... ни разу...
Но ведь — узнал... зачем-то ведь — спросил...
и погрелся, и вышел, и проверил —
не так же просто... Или это — в с е?

1988

МИТЮШЁВ

Сочиняя это стихотворение, жду звонка.
После сразу будет не до того, а пока —
абсолютно тихо, и я тороплюсь, шевеля ртом.
Минус шестьдесят температура воздуха градусов за бортом.

Звонок все молчит, кстати может так быть
что еще ничего и не будет — мало ли что может быть.
Во всяком случае пока все тихо, и строка за строкой, стало быть,
выползают исправно. При этом, чтобы не быть

голословным — одел голос в металл.
Какой был, редкоземельный не то щелочной... но пока увидал
да пока понял что к чему —
решил все оставить как есть, предпочтя продолжать погружаться в это чмо.

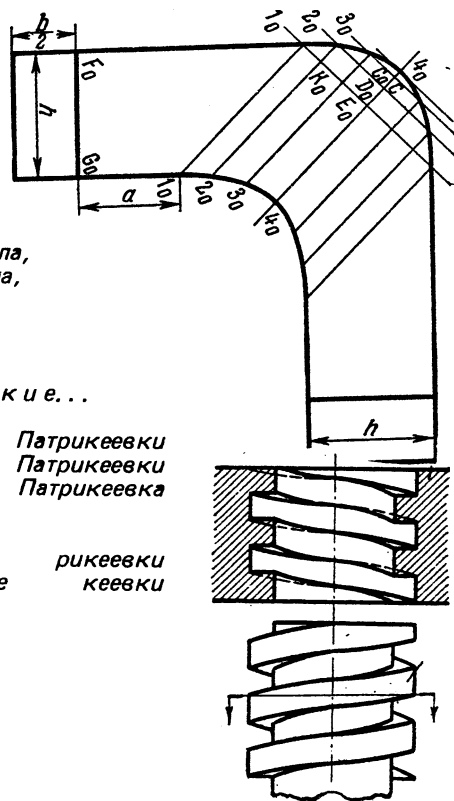
Время идет — хоть и близко, но без особого блеска.
Время идет, запутываясь как леска.
Но ее бороде я даже отчасти рад,
ибо идя все время вперед нет-нет попадаешь назад,

в ту же комнату, хоть каждый и раз через новую дверь.
Так вот: если тогда что здесь забыл, то теперь
можешь оставить опять. Чтб зря не таскаться, да и вообще...
И постепенно комната превращается в камеру хранения забытых вещей.

Я сказал "попадешь назад", но мало того — будучи уверенным, что это
и входило в план! —
как Колумб. Точнее как... нет. — да, как Магеллан!
потерявшись где-то на пол-пути, размазавшись как электрон.
Шесть тысяч над уровнем высота метров моря за бортом.

И подходишь к тому, что начинаешь использовать старые обороты, шевеля
ртом —
все тем же /в смысле принадлежности/, но уже полу-распавшимсяИ вот тут
с обеих сторон —
снаружи и изнутри — доходит, что еще бы ведь в принципе мог —
это Звонок

1990

Как всегда помог несчастный случай:
хоть игрок не самый, может, лучший —
пригласил я партию на чай
— и спросил, как будто невзначай:

— А она лишь чуточку подумала
да и еще немножечко подумала,
а потом совсем уже подумала,
просто от души она подумала!
так что просто думала и думала
, думая все шире и мощней.

Там и детство вспомнилось... и майские...
дача в Патрикеевке... катание...
если разве возле

много после Патрикеевки
потому что после Патрикеевки
тихо и покойно в Патрикеевке
ровное дыхание патрикеевки
теплота в конечностях
тоже сами втягивать тоже
тоже кии

— а тут и отвечает:
, хорошо подумав, отвечает:
х о р о ш о, подумав, отвечает:
отвечает, головой качает:

так и так... и головой качает.
Все бы ничего... и отвечает,
так-то все прекрасно отвечает,
— только что вот головой качает.

А еще плечами пожимает.
Вроде бы — уж что! — а — пожимает.
И нехорошо так пожимает...
уж тогда бы лучше пусть качает...

Кстати говоря — а и качает.
Пожимает — но и знай качает.
так вот: пожимает-пожимает —
а потом возьмет — и покачает.

и как будто даже понимает,
видно по глазам, что понимает,
лучше человека понимает —
а сказать не может, понимает...

, бы и все, но что-то вот мешает.
Как-то что ли больно уж кивает...
как ногой как-будто что-то шарит,
а, на шарие, — тихо нажимает.

, а потом — сильнее нажимает,
и в блокнотик что-то помечает.
И уже открыто нажимает,
слуховые окна примечает,

ходовые части прогревает
— и ничем — заметьте — не качает.
Что бы только это означает...
— да уж означает-означает.

бело-каменная, Кировско-фрунзенская,
почтово-багажная, сердечно-сосудистая,
нервно-паралитическая, ново-черемушкинская,
серно-железистая, инженерно-техническая,

кишечно-обрабатывающая, транспортно-геморроидальная,
инфекционно-академическая, игорно-добывающая,
картофеле-очистительная, подземно-молодежная,
информационно-посадочная, культурно-обогащительная,

дальне-следовательная, долго-срочная,
скоро-сшивательная, приемо-денежная,
вращательно-центростремительная, циркуляро-заборная,
равномерно-распределительная, преимущественно-поступательная,

лево-сторонняя, право-охранная,
паспортно-режимная, супер-уполномоченная,
законо-избирательная, избирательно-законная,
электро-воспитательная, голубо-глазная,

кожно-освободительная, ближне-восточная,
регулярно-действующая, численно-ограниченная,
воздушно-оздоровительная, всемирно-патриотическая,
территориально-целостная, советско-китайская,

настолюно-политическая, осново-полагающая,
коммужно-дефицитная, ново-девичья,
морально-климатическая, денежно-вещевая,
народно-демократическая, полностью-автоматизированная,

О. Д. Н.
"Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел. . ." — Ну что же, неплохо. . .
теперь проверяем. . . Ну что ж ты накапал! : на новом листочке и с красной строки

: "Однажды в студеную зимнюю пору. . ." — внимательно: грамотно пишем и чисто. . .
а — дальше? что — дальше? Ну-ну, не волнуйся. Но если не выучил — сразу скажи.

. . . ага, все понятно. Тогда — помогаем. Ну, к т о? — или вспомнил? — "Однажды. . ."
— Спасибо.

"... я из лесу вышел. . ." — БОЛЬШОЕ СПАСИБО. Вы сами знаете как помогли,
спасибо. Но только нельзя ль по-порядку: он из лесу вышел — я правильно понял?
Пустая формальность. . . но Вы не могли бы как можно подробнее все написать.

— Конечно, пожалуйста: "В зимнюю пору. . ." — Мне слышалось, Вы говорили — "однажды".
— Простите-простите, конечно "однажды". . . — На новом листочке и с красной строки.

— Однажды в студеную зимнюю пору. . . — А если т о ч н е е? — . . . я из лесу вышел.
— Конечно, дровишки? я Вас понимаю. . . — Какие дровишки! — был сильный мороз!

— Мороз? — понимаю. . . Вы из лесу вышли. . . — услышали что-то? Ну, может, к примеру,
топор дровосека? . . . Семья-то большая? — А это при чем тут! — Нет-нет, это так. . .

— Тогда объясняю: я из лесу вышел! мороз, понимаете, дьявольский дубор!
— Я — вас — понимаю, а вы — не волнуйтесь. Чего волноваться: был сильный мороз.

— Так сколько твердить, что "в студеную пору". . . — Но вы утверждали вчера, что —
"однажды"!

— Да черт с ним, с "однажды", служебное слово! — Вы "черта" оставьте: пишите как есть.

— Я из лесу вышел! . . . — Вы? из лесу вышли?? . . . ах, да, ну конечно. . . ну что же, допустим.
. . . допустим-допустим. . . /зачем Вам все это? . . . семья вот большая, как я погляжу. . . /

— Я вас не совсем. . . не хотите — проверьте. . . я думал помочь, а при чем тут. . .
— Ну, хватит!
теперь все как было! — Как было?? Позвольте! И кто вам позволил вот так это. . .

— ВСТАТЬ!!

ПА - МОЧЬ ???!! НУ, К СТЕНЕ! так откуда ты вышел?! — . . . из лесу. . . известно. . . —
— ЧТО, ГРА - МАТНЫЙ, СУКА ???!!

Стоять, я сказала!! ты что, не расслышал?! — топор дровосека? . . . — Так, значит —
ТОПОР ???!!

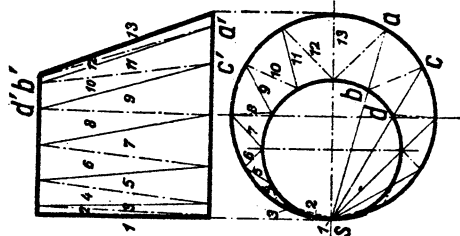
. . . я из-лесу вышел. . . — Что, вы-учил, сука ???!! — . . . я из-лесу вышел. . . — А что ты-там делал?
. . . се-лесу-язишл. . . — А ДАЛЬШЕ ЧТО, ДАЛЬШЕ ???!! — . . . се-аз-еси. . . — Так, теперь снова
за стол!

Мне только смотри — на бумагу не капать! Вот так, и — пиши, что "В начале июля
— пиши! — в чрезвычайно, мол, жаркое время, под вечер, мол, Я, молодой человек,
что вышель — пиши! — из своей, мол, каморки, которую он нанимал от жильцов,
и медленно, как в нервности — сука! — отправился к — знаешь какому! — мосту. . ."

. . . Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел . . . оно бы и ладно,
но тут я услышал топор дровосека и в дворницкой слямзил его под шумок.

Я шел прогуляться. . . Вот Мойка, Литейный. . . Кормил голубей. . . покрошив им
старушек. . .
Потом я вернулся. . . не вытерев ноги. . . за что и страдаю осьмой, скоро, год —

стрикнемся, братишка? (теперь по-порядку:
Когда все проверили —

МОЖНО СДАВАТЬ

1987

Ножницы режут бумагу,
бумага оборачивает камень,
камень тупит ножницы.
/Упрощенный вариант игры
в очко "на пальцах"/

Багровою звездой восходит пятерня —
да опадут лучи в естественные сроки
— и вот осталось два к началу сентября:
в и к т о р и я, она — что ножницы для кройки.

А н о ж н и ц ы меж тем сжимаются в кулак.
Сей к а м е н ь на заре затупит без напряга
две кромки, что к концу не резали и так.
Бульжник — хорошо, но тут уже бумага.

— и к а м е н ь обернуть — ей — что поземкой нац-
меньшинства распылить в подлунном /точка/ мире
И плоская ладонь покроет тенью плац,
протерши два крыла. А может — все четыре,

а там — и пятерня, среди набухших верб,
всплывает неспеша /опять, но только — круче/ —
горит она во лбу, а под косою серп:
аж вылез с кадыка, засаженный по ручку.

А поутру — зайдет, сползая по стене,
ногтями ободрав побелку, что бумагу,
но красных пять полос и в Царстве Теней
потянутся за ней американским флагом.

1988

1989

ВЛАДИМИР ГАЛКИН

ВЛАДИМИР ГАЛКИН рассказывает о себе: "Работаю патентным чиновником, а писал в стол, многие годы... Предлагать стал только недавно, когда потеплело. Пятьдесят три года мне..." Печатался в парижском "Ковчеге" под псевдонимом Кирилл Сарнов, еще в 1978 году. Предложил рукопись книги в издательство "Столица", им понравилось, но ничего пока не известно.

КОНЫ ЧАПАЯ

— Врешь, не возьмешь... — скоротал Чапай, загребая левой рукой широкую уральскую волну. — Врешь, не возьмешь... —

Вокруг него так и зуськали белые пули, шипела вода. А на берегу стоял белый чапаевский конь по кличке Бирюк и задумчиво ржал, следя за Чапаевым.

Чапай вышел из воды на том берегу, попрыгал на одной ноге, чтобы вылить из ушей воду. Потом снял кальсоны и рубаху, отжал их, снова надел и так, весь белый, медленно пошел степью в легенду...

... Недавно я уезжал в командировку в Новочеркасск. Перед поездом, естественно, взял бутылку водки, два пивка, колбаски и белого хлеба, все чин-чинярём. Мог, конечно, глотнуть прямо на путях — я это люблю. Но увидел заманчивую темноту за пригородными кассами Курского вокзала, что-то звало меня туда. Я зашел. Чуть белел первый снег. Горы ящиков навалены. На одном из них примостился поудобнее, достал свой выпивон, кружку, разложил на газетке закусь. Двинул первые полкружки. Хорошо.

Тут кто-то тихо проржал. Я встрепнулся. Достающий до ящиков с вокзальной площади свет обозначил фигуру тихо подошедшего мужика. Я взгляделся: морда лошадиная, весь зарос густым волосом, воротник поднят, руки дрожат, и несет он их как-то невясяче.

— Извините за беспокойство, вие, — пробормотал он каким-то глубоким голосом — стоном, идущим как-бы из желудка. — Извините, Христа ради, за беспокойство.

— Ну, раз Христа ради, то я спокоен.

Мужик, темно глядя на меня, спросил:

— С вами можно выпить?

— Пардон, — говорю, — выпить, конечно, можно, ящиков — эвон их сколько, но самостоя-

тельно. У меня водки только на себя и на Бога.

— Да у меня есть своя. Не извольте гневаться.

Он вытянул из кармана обеими руками (казалось, что это протезы) бутылку и поставил на ящик рядом с моей, а из другого кармана достал полбуханки ржаного хлеба.

— А-а-а. Ну, раз своя есть, то давай, дед, присаживайся, вместе выпьем: ты из своей, а я из своей.

Мы глотнули с ним. Он скусил ржаной кус прямо с ящика, будто у него рук не было.

— Кто ты? — спрашиваю я.

— Как тебя зовут?

— Конь я. Конь Чапая.

— Это хорошо. Рассказывай биографию.

Мужик шумно вздохнул и начал:

— Зовут меня Бирюк. Дончак я. Донских, значит, мы кровей. Мне пяток лет было, когда Василий Иванович изволил на мне воевать и в Урал опосля того кинувшись. А кинувшись она тогда, конечно, от расстройств. Очень им обидно было.

Теперь мне, значит, все шестьдесят. Старик уж я. Ржал тогда на берегу ужасно, безысходно. За хозяина переживал. Но он вышил на том берегу и ушел степью.

... Неужели Чапаев ушел? А все думают: погиб.

Старик-конь невесело проржал и продолжал:

— Эта думают... Да, так дончак я. Ты, вот, в Новочеркасске ехал, вот, протрени-ка там, чем коней раньше кормили. Лучшие крови во мне сидят. Я, понимаешь, произвел и Дуню Вторую, от которой пошел внук Парад, на ем Ворошилов ходил в сорок едимом году на парады. Сталина, между прочим, таскала на себе, тоже моя родственница — Сулико, от мого Цыганка и ахалтекинки Листвентицы. Мы, понимаешь, дончаки. У нас ноздри широкие, ноги крепкие, но любим обхождение. Тимофей чтоб в траве, водочка, зарница — вишь! — падает...

— Это не зарница, дед, это вокзал варют. Так что насчет Чапая-то. Ты-то сам как? Ты давай последовательно, вдумчиво, факт за фактом, дата за датой, как в серии "Жизнь замечательных людей". Ясно?

— Сам-то как? Инбридинг. Холодно, значит, по-немецки. Ну, ладно, потом я попал, если следишь к белым. Сам Каппель Владимир Оскарыйч на мне поездил. Но то — разве езда? Не та езда, не та. Под Василь-то Ивановичем я, бывало, птицей летел...

А под этим германским суנדучком разве полетишь? От белых перекочевал опять к красным, да так и остался у них. Нну, тут меня за кровь мой и во-ди-ли! И пшено, и все, как у наркомов. Буденный на мне еще в 26 году командовал парадом на Красной площади. Нно — не любил я его. И вроде коня понимает, и герой, и то, и се... А — нехорошо мне у него как-то. Я, ведь, тоже гладкий был, белый, ножки в черных чулочках.

Старик-конь высунул из рукавов большие разбитые копыта

— Э, глянь, милай. Во. И во.

А Буденный топтал меня, бил, скот, когда чуть не потрафлю...

Конь смахнул слезу и налил мне, потом себе по полной кружке.

— Держали меня уж, как производителя. Крыл я им кобылок молодых. Потом отрезали мне яйца, и пошел я на Кремлевское подворье возить бочки с водой. Да-а, Василь Иванович так бы не поступили, нет, так бы не поступили!

Ну, ладно. С пятнадцатого года я, значит, в тридцатом... или в тридцать первом... не, в тридцатом точно, определили меня на колбасу. Н-да. И никто — слышь, милай, — никтошеньки, господи, не вспомнил, что чапа... чапаевского... коня... на колбасу...

Конь плакал-ржал, из его черных ноздрей лилась обильная влага.

— Так погоди, на колбасу-то, выходит, ты так и не попал?

— Не попал, сокол, не попал. Рази это можно — коня Чапая и на колбасу?

— Нонсенс. Ну что же?

— Слухай, сокол, слухай. Я еще работал у Рогожской заставы, муку подвозил в пекарню. Как-то стою, понурившись, жду, когда нагрузят телегу. Вдруг, гляжу: батюшки светы, сами Василь Иванович идут, собственной, ей богу, персоной. Они. Я узнал. Но какие? В пиджачишке плохоньком, в картузе, шваркают кирзовыми сапогами. И — пьяными! Но усы-то — ихонные. И глаза-то — тоже ихонные, бесенные глаза! Чуть не упал я на колени, да оглобли не дали. Заржал я, голово-й замотал. А оне меня узнали. Подошли, целовать стали в морду, гладить, шептать...

Ну, договорились мы с Чапаем, что они меня из конюшни (а я тогда стоял на дворе в Таганской улице, это теперь возле райисполкома) ночью уведут. Как цыган. Да он, ведь, и промышлял первое время после Гражданской войны конокрадством. И увели.

Увели они меня, значит, и увели.

Увели в подмосковную деревню Карачарово, по Владимирке меня так и повели за узду. Там и рассказали про свое горе-мыкание.

Вышли оне тогда, в 20-м году из реки Урал, преобразившись. В кальсонах и рубахе — кто им теперь поверит ежели что, — что мол, оне — Чапай? И кому только Василь Иваныч не рассказывали-доказывали, что оне Чапай, ну только никтошеньки тому не поверил, а смеялись над ими. А тут и Гражданка кончилась. И поняли Василь Иваныч, что людям оне нужны лишь для легенды, а не как живой.

Устроились оне тогда сад колхозный сторожить, да еще вот лошадками потихоньку промышляли. Анка-то, стерва, в Москве гремела, в кино ее снимали, а Чапай — сад сторожить, а? Э-эх, ма.

Ну зажали мы с Чапаем. Ни-чаво зажали. Зажали и зажали. Только прозывались оне теперь не Василь Иванычем Чапаем, а каким-то Михаилом Петровичем Фокиным, такой паспорт себе достали.

А, я значит, работал с ими в подмосковном колхозе. Чапай жалел меня, не грузил шибко, а так — в малость, больше для видимости. Да и то, — какой уж я возчик. А еды — что, мне много ли надо...

Но беда-змея пришла. Спился оне. Все пили, да все про черного ворона пели. И помер в 35-м годе. Да, если б, милай, оне и остались после Гражданки в енералах, так их все равно Сталин-змея усыпил, как Михал Василича Фрунзе, как Григория Иваныча Котовского, как многих. Что там говорить!

Я, хоть, и конь, а понимал это уж и тогда. Так что оне даже и вовремя успели.

Но перед смертью пригласили Василь Иванович какую-то старуху из Андроньева монастыря, в-рожею, та что шептала надо мной, поплевала, подула мне в уши, потом повалили меня, завязали глаза и пустили кровь. Вон из этой вот мышцы... И очнулся я уже человеком.

— Контавром вроде.

— Ну да. Так-то все вроде, как человек я, и паспорт у меня, и хожу на двоих. А на самом деле — конь. Конь Чапая. Так и остался, так и хожу с тех пор.

— А не говорил твой Чапай, для чего он это с тобой сделал?

— Говорил, когда я опростался. Говорит: "Будешь, Бирюк, жить дальше, в тебе память моя останется". Но я не понял. Дык, что ж... Хожу, живу.

— Работал?

— А как же. Грузил вагоны на Курской-товарной. Сила-то ведь у меня конская, не людская. Плотно ничаво.

Конь помолчал, допил водку.

— А таперь вот и пью. Спасибо тебе, сокол, за кумпанью.

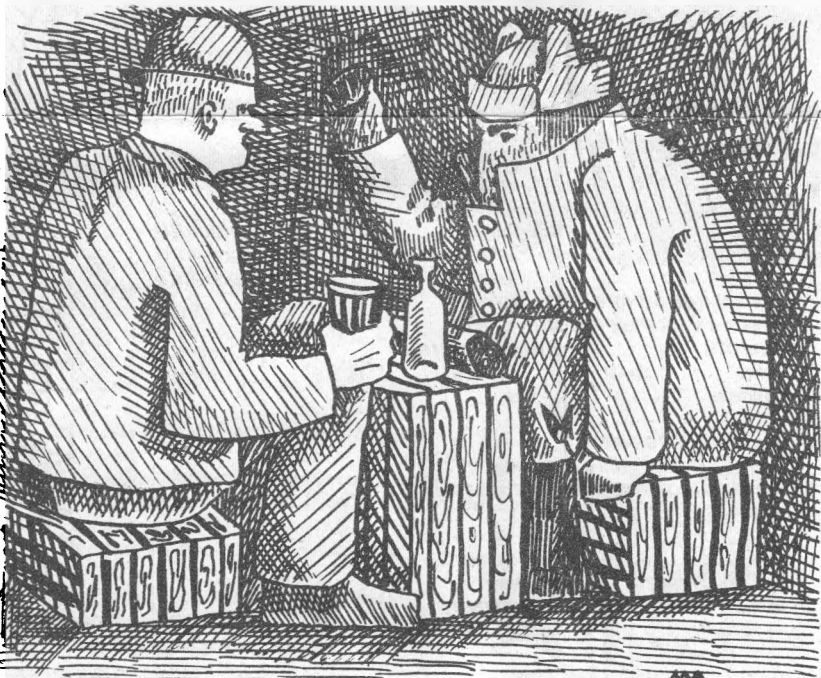
Однако надо идтти. Завтра опять мне грузить, а послезавтра у меня завпой. На три месяца. Ну, прощай.

И конь с этими словами ушел в темноту.

Где-то с вокзальной площади раздалось через минуту его дряхлое ржание. Уж не "Черного ворона ли" он пел?

Я, долго, задумчиво сидел пьяненький, смотрел на белеющий во тьме снег.

И никак не мог понять — что же это такое?

Миронов А.

ВОЙНОВИЧ В МОСКВЕ

начало на стр. 1

Что Вы думаете относительно того, если ли в СССР новая (другая) литература?

— Есть и всегда существовала другая литература. Она, как и обычная, тоже бывает разной: большой и маленькой, хорошей и плохой, традиционной и экспериментальной.

Читатель, рынок и демократия определяют в другой литературе достойных и дадут им самостоятельно выжить. Рынка бояться не надо. Исключение составляют некоторые авторы экспериментального направления. Им необходима поддержка. Что касается Запада, то там представители другого искусства отнюдь не прозябают.

— Способна ли современная советская литература компенсировать пустоту, вранье и шовинизм в советском эфире? Способна ли она противостоять возможному подавлению гласности и реанимации цензуры?

— Я отвечаю на эти вопросы положительно, но с оговоркой, что все будет зависеть от политической ситуации в стране. Писатели хотят жить сегодня, а не только посмертно, завтра в своих произведениях.

Надеюсь, что в ближайшее время правительству и кравченкам будет не до писателей и не до их издателей. Но, в любом случае, литература есть более инертная и устойчивая субстанция культуры, нежели пресса и эфир.

Вследствие всего этого, вернуть современную советскую литературу под крыло цензуры практически уже невозможно.

— Вы — член ПЭН-клуба. К какому именно центру Вы принадлежите и знаете ли, что недавно создан московский русский ПЭН-центр клуба?

— Я принадлежу к французскому центру. Сразу после исключения из СП он взял меня под свою защиту путем принятия в свои члены.

К московскому центру я отношусь с настороженностью. Переходить в него пока не собираюсь. Во-первых, меня туда никто не приглашал, а во-вторых, центр образован недавно и я еще не могу судить о его составе.

— Какую конкретно ответственность Вы возьмете на себя как член клуба при неблагоприятном влиянии на литературный процесс общественно-политической обстановки в стране?

— За права человека вообще, а не только писателя, я борюсь уже 30 лет и буду бороться и дальше отнюдь не только в связи с тем, что я — член ПЭН-клуба.

— Ваши творческо-издательские планы?

— Свободно писать и публиковаться — вот мои планы, осуществляющиеся пока не вполне... Издают меня широко, но недостаточно. Отнюдь не желая, чтобы мои книги вылились на полках магазинов, я за такую насыщенность рынка, при которой всегда можно спокойно купить любую книгу любого автора.

Это ненормально, когда очень посредственное по внешнему виду и качеству бумаги издание моего романа "Москва 2042" номинальной стоимостью 6,5 рублей продается в переходах по 15 рублей.

— Не считаете ли Вы, что Ваше возвращение может не оправдать себя, в связи с попытками "завинтить гайки"?

— Я верю в необратимость процессов.

— Каковы причины Вашего выхода из "Апреля"?

— Я не хочу, чтобы мой выход выглядел враждебно, тем более, что я в "Апрель" по-настоящему никогда и не входил. Просто обронил как-то А. Приставкину: давай, мол, вступилю... Этим дело и закончилось.

Мне не нравится, что "Апрель" потенциально является вторым СП: они за что-то там все борются и никак не могут оторваться от лимфодна.

Главная же причина — желание быть независимым. Я имею на это право и возможности!

На этом я счел задание редакции выполненным и поблагодарил Владимира Николаевича за интервью.

В тот же день мне посчастливилось приобрести в книжном магазине вышеупомянутый сборник "Утопия и антиутопия XX века" (Москва, "Прогресс", 1990) за номинальную стоимость 8 рублей и с нагрузкой в виде журнальчика "Спутник" за 1 рубль 20 копеек. Половину объема сборника занимает роман Войновича "Москва 2042".

Несколькими часами позже этот же сборник под ценником с цифрой "20" я увидел на лотке в переходе. Приятно было сознавать, что сэкономлено 10 рублей 80 копеек.

10.01.91

Вадим Орловский

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА!

Подписаться на газету "Гуманитарный фонд" можно в любой момент текущего года. Примерно через месяц Вы начнете ее получать. Для этого нужно выслать 20 рублей (цена подписки на год) почтовым переводом по адресу: 117342, Москва, п/о 342, М. Ромму. До востребования. Цена подписки на полгода — 10 рублей.

ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ПОДПИСЧИКОВ

Счет №57380407. Внешэкономбанк СССР, Советско-Канадское предприятие "СКАНТЭК-форум". Для редакции.

Цена подписки — 15 долларов.

Предлагаем всем желающим реализовать газету со льготной скидкой. Парти больше 10 экземпляров можно получить по почте наложенным платежом. (цена 1 экземпляра — 35 коп. эк).

За каждого найденного подписчика выплачивается вознаграждение в размере 3 рублей.

Тем, кто обзаведется торговать на акциях и тусовках мы отдаем ее по 20 копеек.

Номер готовили: В. Н. Бодя, Р. Цапина, М. Н. Ромм, А. Г. Миронов, Д. С. Леонов, Л. Б. Жуков (свадебный генерал). Фото А. Курова.

119034, Москва, Малый Левшинский пер., 14/9, подъезд 8. Тел. 201-45-83, 905-50-46.

Номер подписан в печать: 02.04.91.

Коп. „Полицарт“ Зак. 64-к Тир. 1800